

Н. А. БАКЛАНОВА

**Описание русской природы в Хождении митрополита Пимена
в Царьград в 1389 г. и отображение этого описания
в миниатюрах Лицевого летописного свода XVI в.**

Одни из самых ярких древнерусских путевых заметок содержатся в Хождении Игнатия Смольнянинова, находившегося в числе спутников митрополита Пимена, который отправился в 1389 г. из Москвы в Константинополь для своего утверждения на митрополичьей кафедре царьградским патриархом; последнему в то время подчинялась русская церковь. Это Хождение, помимо ряда содержащихся в нем разнообразных сведений, представляет интерес как первое описание Донского пути из Москвы в Константинополь, ставшего после татарского нашествия главным средством сообщения между будущей русской столицей и Византией.

Отправляясь в путешествие, Пимен поручил своим спутникам, «аще кто похощет писати сего пути шествование все, како поидоша, и где что случися, или хто возвратится, или не возвратится вспять; мы же сия вся писахом».¹ Путешествие было описано Игнатием, прозванным Смольнянином, сопровождавшим смоленского епископа Михаила, состоявшего в свите Пимена. Биографических сведений об Игнатии очень мало. Его прозвище, некоторые юго-западные обороты слов, его расположение к Смоленску дают основание видеть в нем смоленского жителя, а подробное и яркое описание военных сооружений, виденных им в Константинополе, заставляет предполагать, что в прошлом, до пострижения в монахи, он был служилым человеком. Им и было составлено «Хождение Пиминово в Царьград». После смерти Пимена, умершего в Царьграде, не дождавшись своего утверждения на митрополичьей кафедре, Игнатий оставался там до 1393 г., ездил оттуда в Иерусалим, а с 1396 г. поселился на Афоне, где и умер в 1405 г. Его Хождение, видимо, долгое время составляло увлекательное чтение для русских людей; оно дошло до нас в 16 списках, древнейшие из которых относятся к XV в., а позднейший — к XIX в. Кроме того, оно было внесено в летопись. Это свидетельствует, что оно в течение ряда веков было очень популярно среди читателей. Это вполне понятно: в нем простым, ясным и образным языком ведется рассказ, изобилующий бытовыми подробностями, о путешествии с его начала до прибытия в Царьград и о тех приключениях, которые пришлось пережить путникам. Для исследователей Хождение, составленное Игнатием, ценно как новый

¹ Патриаршая, или Никоновская, летопись. ПСРЛ, т. XI—XII, М., 1965. Все цитаты, приводимые в данной статье из «Хождения Пиминова в Царьград», взяты из данного издания, стр. 95—97

тип этого жанра, освобожденный от влияния церковной идеологии, связанный с политическими событиями своего времени и показывающий незаурядный художественный талант автора.

Путешественники отправились из Москвы 13 апреля. Плыли они по Москве-реке и Оке, а от Рязани до Дона передвигались сухим путем; три струга для дальнейшего путешествия везли за ними на колесах. За Рязанью начались пустынные места, и им дали провожатых до Дона — «с великим опасением, разбоя деля». Видимо, еще памятна была Куликовская битва. Добравшись до Дона, перебрались на струги. Началось плавание «на Низ», удручавшее автора и остальных спутников: «Бысть же сие путное шествие печально и уныливо, бяше бо пустыня зело всюду, не бе видети тамо ничтоже: ни града, ни села». Встречавшиеся по дороге древние города были пусты: «нигде бо видети человека, точю пустыни велии». Это были следы разорения, причиненного татарами. Зато окрестности реки изобиловали дикими зверями и птицами. Им встречались козы, лоси, волки, лисицы, выдры, медведи, бобры. Около воды и на прибрежных утесах видны были птицы: орлы, гуси, лебеди, журавли и др. Пустыня, т. е. ненаселенные места, была велика. Автор называет реки и города, мимо которых лежал путь, и указывает, сколько дней они плыли от одного места до другого. Через неделю добрались до устья Воронежа, а затем до реки Тихой Сосны. Там Игнатий был поражен, увидев меловые горы, подступавшие к берегам Дона: «...видехом столпы камены белы, дивно же и красно стоят рядом, яко стози малы, белы же и светли зело, над рекою над Сосою». Игумен Даниил, побывавший в Палестине в начале XII в. и увидавший гору Фавор, также сравнивал ее со стогом: «Фаворская же гора чудно и дивно уродилася . . . посреди поля того красного, яко же стог круголь».² Русским людям, незнакомым с горным ландшафтом, при виде его приходили на память хорошо известные им стога сена, стоявшие рядами на лугах их родины.

Еще через несколько дней путники миновали «горы каменные красные», а на другой день «Терклию град минухом пловущи, не град же бе, но точю городище». Название «Терклия» в других списках Хождения читается «Серклия». Это хазарская крепость Саркел, взятая Святославом в 965 г. Определение ее местоположения было предметом изысканий многих исследователей. Лишь последние раскопки советских археологов смогли установить его точно. Остатки кирпичного городища Саркела были обнаружены много ниже по течению Дона, чем указано Игнатием, — на левом берегу старицы реки вблизи старой станицы Цимлянской. Это — так называемое Левобережное Цимлянское городище,³ с огромным количеством древнего кирпича.

Далее путники проплывали мимо Перевоза. Здесь они впервые встретились с татарами, их было «множество зело, якоже лист и якоже песок». Отсюда начинались татарские улусы. Огромное количество стад рогатого скота, верблюдов и лошадей, пасущихся по берегам Дона, поразило Игна-

² Житие и хоженье Даниила, русьския зсми игумена 1106—1107 гг. Под ред. М. А. Веневитинова. — Православный Палестинский сборник, т. III, вып. 3, СПб., 1885, стр. 110.

³ М. И. Артамонов. 1) Средневековые поселения на Нижнем Дону. — Известия Государственной академии истории материальной культуры, вып. 131, Л., 1935; 2) Саркел—Белая Вежа. — Материалы и исследования по археологии СССР, № 62, М.—Л., 1958 (Труды Волго-Донской археологической экспедиции, т. I), стр. 7—84; 3) История хазар. Л., 1962. Ср. также: С. А. Плетнева. От кочевий к городам. Салтово-Маяцкая культура. — Материалы и исследования по археологии СССР, № 142, М., 1967.

тия: их было «толико множество, якоже ум превосходящ». Попад «в землю татарскую», путешественники сначала испытывали страх: «нача нас страх обдержати». Но жители встретили их дружелюбно, расспросили, откуда они, и напоили их молоком (вероятно, кумысом): «И сиде с миром в тишине плавахом».

Достигнув Азова, путники пересели на корабль и двинулись морем к Царьграду. После ряда неприятностей, причиненных им в дороге итальянцами, они добрались до своей конечной цели. На этом заканчивается первая часть записей Игнатия.

Прошло около двух столетий со времени описанного путешествия. В Москве было задумано грандиозное предприятие: составление Лицевого летописного свода. Наряду с краткими летописными сведениями в него вошли и отдельные повести. Среди них и «Хождение Пиминово в Царьград». Оно было снабжено миниатюрами. Выбор тем для них характеризует художника. Он остановился на том, что привлекло особенное внимание Игнатия при описании пути: природа донских степей.

На одной из миниатюр (рис. 1) мы видим три струга, спускающихся по реке. Струги изображены довольно верно, на носовых частях их помещены даже «казенки», т. е. каюты. Отступлением от истины является лишь измененная форма судов: приподнятые носовые и кормовые части, отсутствие палуб. Получается впечатление, что люди сидят прямо на дне судна и тесно прижаты друг к другу. Впрочем, некоторые из этих погрешностей могут быть отнесены за счет недостатка места, с которым должен был считаться иллюстратор. Среди путников видим митрополита Пимена (в белом клобуке), рядом с ним помещена фигура пожилого человека, указывающего ему на берег, вероятно обращающего его внимание на находящиеся там зверей. Кого изобразил художник, установить трудно. Судя по шапке с околышем, это не может быть монах Игнатий. Правильно изображено наклонное положение реки, указывающее на направление ее течения.

Самым интересным является изображение фауны побережья Дона, так подробно описанной Игнатием. Слева мы видим медведя и волков, несколько лошадей (упоминаемых Игнатием не в этом перечне, а при перечислении состава татарских стад). Вероятно, художник сам не видел лосей; изображенные им животные с ветвистыми рогами скорее похожи на благородных оленей, чем на огромных, с массивными головами лосей. Много внимания уделено также птицам. В верхней части миниатюры на вершинах гор помещаются хищные птицы — очевидно, это орлы, о которых упоминает Игнатий. В нижней части рисунка весь берег усеян многочисленными птицами, здесь мы видим и лебедей, и гусей, и журавлей. Из вод реки сзади стругов выглядывают две звериные головы. Кому они должны принадлежать, неясно; из текста Хождения этого не видно. Может быть, это изображения выдры и бобра — водяных животных, упоминаемых в перечне Игнатия. Изображения прибрежных скал и одностипных островерхих деревьев носят условный, лишенный конкретности характер.

На другой миниатюре (рис. 2), изображающей часть среднего течения Дона, в том месте, где в него впадает Тихая Сосна, мы видим тот же пейзаж с деревьями и скалами, те же три струга с сидящими в них спутниками. Центральную часть рисунка занимают пять высоких и узких белых зданий с купольными покрытиями и с дверями; в одном имеется еще и окно. Эти изображения вызывают у нас недоумение: до такой степени они не вяжутся с теми «столпами каменными белыми», т. е. меловыми горами, о которых пишет Игнатий. Очевидно, художник никогда не бывал в этих местах и не мог ничего знать об окружающих Дон меловых образованиях, кое-где подступающих к самой реке. Его изображения больше

протопоиы и протодьякони и сщ҃е
и мѣщы и ииоцы и слоуги пакъзшеи сѣх
ды и поплахомъ рекою до помянуто :

Бѣже и поутно шестцѣ печално поу
Плыи нао . елше в поустынахъ
до поуду . негъ в ондѣти тамо ни
штоже ни града ни селл аще в и бѣша

Рис. 1 Животные и птицы на берегах Дона. Миниатюра Лицевого свода XVI в.
(БАН. 31 7 30, т II).

ЩПОУДУЖЕПРИИДЫХОМЪОСТАХОНОСО
СНЪ . ИЩНАТЪХОМЪОСТАТЪСАМЕРЫ
КЕЛЫ . ДИЩПОЖЕИЩРАСНОСТПОТРАДО
ТАКОСТПОШМАЛЫ . ВЪБАВЪЖЕИЩЕТЬ
ТАНЪГЛАШ . ПЪРЕКОИ
САКОСНО
ГО ;

Рис. 2. Меловые горы на берегу Дона. Миниатюра Лицевого свода XVI в. (БАН. 31.7.30, т. II).

Рѣпиторникъ жетеріслітограминноу хѣ
Вплосоуше . перажьюку поточію
городище . такоже
иперешотъ
инноу
хомъ
”
”

Рис. 3. Городище Саркел. Миниатюра Лицевого свода XVI в.
(БАН, 31.7 30, т. II).

всего напоминают терема, совершенно не отвечающие тому сравнению со стогами, которое приводит Игнатий.

Третья миниатюра (рис. 3) в верхней части изображает городище Саркел. Все остальное мало отличается от описанных выше миниатюр: те же три струга на реке, те же скалы и деревья. Изображение Саркела несколько не напоминает развалины хазарской кирпичной крепости; оно скорее похоже на встречающиеся в Своде схематические изображения кремля.

Эти три миниатюры дают основание заключить, что художник правильно понял свою задачу: запечатлеть на рисунках разнообразие природы, описанной Игнатием на пути по Дону, и тем привлечь к ней внимание читателей. В тех случаях, когда автор *Хождения* касается сюжетов, хорошо знакомых миниатюристу, как изображения людей, а также животных, известных ему, он давал возможно более реалистические изображения, но когда речь шла о предметах, ему неизвестных, как меловые горы или развалины старинной крепости, он должен был прибегать к фантазии, которая не всегда его выручала.

Но, во всяком случае, эти миниатюры интересны и дороги тем, что показывают, как человек второй половины XVI в. представлял себе то, что происходило в родной ему стране в далеком для него прошлом.
